

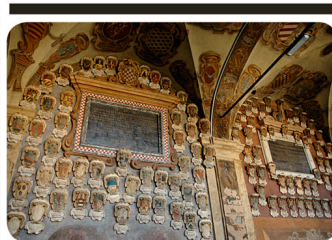
Застывшие в мнимой архитектурной гармонии дворцы и площади на самом деле кусочки в винегрете из Средневековья, Ренессанса, барокко и неоклассицизма, но эти разные стили буквально связывают знаменитые болонские портики – 38 километров галерей. Я благодарен этим нескончаемым вереницам арок и колонн, прячась среди них от полуденного солнца или внезапного дождя. Портиковым апофеозом, бесспорно, будет трехкилометровая анфилада, ведущая от Сарагосских ворот вверх к базилике Мадонны Сан-Лука, смотрящей на город с 300-метрового холма, а история появления портиков связана с другим прозвищем Болоньи – Ученая (la dotta). В 1088 году в Болонье открылся первый университет в Европе, и в город повалили студенты.

В те времена учеба была уделом людей состоятельных, и за каждым студентом следовала немалая свита. Селить приезжих было негде, и горожане начали расширять верхние этажи, потому что налогом облагалась лишь площадь первого. Поначалу надстройки над улицей подпирались деревянными колоннами, но со временем они обрели благородную поддержку в кирпиче, создав километры уникального городского пространства, куда нынче вечерами выплескиваются из trattorie и osterie студенческие споры и пошелуи.

Как настоящий студенческий город, Болонья полна велосипедистов и сама похожа на велосипедное колесо: пройти вдоль одной из ее «спиц» к центральной Пьяцца Маджоре гораздо проще, чем попытаться перескочить с одной «спицы» на другую. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на карту, но я предпочитаю личную инспекцию с высоты птичьего полета и лезу на чуть кривоватую башню Азинелли по деревянной лестнице, напоминающей те, что заводят ум за разум на рисунках Эшера. У Азинелли есть младшая сестра – башня Гаризенда, которая более пьяна и отклоняется от своего основания на 3 с лишним метра, из-за чего ей снесли верхушку, чтобы не завалилась. Между XII и XIII веками более ста башен было построено зажиточными болонскими семьями, чтобы похвастаться своим богатством, но меньше 20 дожили до сегодняшнего дня. Семьи Азинелли и Гаризенда явно соревновались. Гаризенда проиграла, но зато ее увековечил Данте в «Божественной комедии». Теперь соревнуются иначе: пока рассудительный Турин производит «Фиаты», с конвейеров в окрестностях Болоньи сходят такие дорогие игрушки, как «Мазерати», «Феррари», «Ламборгини» и «Дукати».

Без малого 500 ступенек Азинелли действуют

почти рисунков Эшера, но и с пульсирующей от подъема головой я четко вижу сверху мастер-план города, на котором улицы, как нож пиццу, прорежают красно-бурую начинку из черепицы от городских стен к центру. Вспомню еще одно название Болоньи – Красная (la rossa). И хотя часто считается, что Красной Болонью кличут из-за ее традиционной левизны и прокоммунистических мэров, таковой она слыла еще до подвигов Сакко и Ванцетти благодаря терракотовому окрасу своих стен и крыш. Правда, зайдя в популярный книжный магазин Фельтринелли, того самого издателя-коммуниста, который первый напечатал на Западе «Доктора Живаго» Пастернака, я вижу у кассы фото покойного хозяина с Фиделем Кастро. Очень обеспеченный городской партизан Фельтринелли подорвался при попытке взорвать ЛЭП около Милана в 1972 году. В последнее время богатые левые Болоньи стали куда менее революционными, исповедуя радикальный шик в дорогих бутиках. Пьяцца Маджоре – центр болонского колеса. Вечером здесь ступени собора Св.Петрония, покровителя Болоньи, усажены молодыми людьми разных взглядов, вероисповеданий и ориентаций, от бродяг «панкабестия» до офисного планктона.

Город динамично гудит от присутствия ста тысяч студентов. В XII и XIII веках Болонский университет задавал тон в Европе, и, что любопытно, это была свободная ассоциация студентов, которые сами выбирали и нанимали профессоров, а занятия проходили у них на дому. В отличие от Парижского университета, где главенствовала теология, в Болонском изучали римское право, к которому уже потом добавились медицина и философия.

По palazzo Аркиджиназио я ходил задрать голову и рассматривал гербы профессоров, ректоров и студентов. Среди них были Петрарка, Данте, Коперник, Дюрер и Гальвани, который застыл на постаменте у входа в здание с книгой и лягушкой – уже разделанные, они продаются за углом на красочно-рыночной Виа Клаватуре. Гальвани отказался принести клятву на верность Наполеону, захватившему Болонью в 1796-м, за что был лишен кафедры. В анатомическом театре павские легаты через решетку наблюдали за происходящим на мраморном столе, готовые прервать диссекцию, коль только оно посягало на священное: лезвие ножа не могло касаться двух органов – сердца и мозга... Аркиджиназио завораживает. Прямо вижу, как ходил под средневековыми сводами Умберто Эко, уже свыше 30 лет преподающий здесь семиотику, и вынашивал свой монашеский триллер «Имя розы».

Другое примечательное университетское здание – нынешний ректорат, palazzo Поджи, где эффектные потолки и фрески барокко соперничают с таинственной атмосферой кунсткамеры. Гран-при срывают гипернатуралистичные скульптуры из медицинской коллекции XVIII века. Пока гид рассказывает, что восковые изваяния настолько детальные, что современные ученые определили болезни, которыми страдали «проборазы» 300 лет назад, я смотрю на жемужное ожерелье, украшающее шею женщины с развернутой грудной клеткой и зародышем в чреве, и думаю, что у Рона Мьюека был в Болонье предшественник в лице Эрколе Лелли, чья подпись стоит на анатомических скульптурах.

После экспозиции palazzo Поджи хочется свежего воздуха и глоток просекко, и ноги несут меня к площади Джузеппе Верди. С аплетитом отдаю предпочтение тальятелле, жареному кролику и паннакотте. Подавляющее число людей в мире заблуждается, думая, что соус болоньезе, во-первых, являет собой томатно-мясную подливку, приспанную пармезаном, и, во-вторых, подается к макаронам. Большого богоульства болонцы себе представить не могут. В Болонье у него молочная основа, помимо говядины обязательно присутствует панчетта, а вот пармезаном там и не пахнет. И сервируется он исключительно с плоскими тальятелле.

Уезжаю из Болоньи решительно более dotto, слегка более grasso и, если считать обгоревший нос, чуть более rosso.

ТЕКСТ И ФОТО | АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВ

ОСТОРОЖНО: УМНАЯ БОЛОНКА

Болонья недаром получила прозвище Жирная (la grassa) – болонцы большие любители выпить и закусить. Здесь базируется Академия итальянской гастрономии. Правда, на мой вкус, болонские тортеллини уступают по тонкости хотя бы миланскому ризотто. Только не говорите об этом болонцам: им тортеллини напоминают пупок Венеры!